А.З. МАНФРЕД И ФРАНЦИЯ

Ю.И. Рубинский

Альберт Захарович Манфред сыграл весьма значительную роль в моей собственной профессиональной и общественной жизни. Он был официальным оппонентом на защитах обеих моих диссертаций – кандидатской и докторской, вместе со мной являлся многие годы членом президентского совета Общества СССР – Франция, ставшего ныне Ассоциацией друзей Франции. В этом качестве мы не раз вместе встречались с французскими коллегами-историками как в Москве, так и в Париже. Таким образом, нас свело, несмотря на ощутимую разницу в возрасте и весе в научном мире, прежде всего, особое отношение к Франции.

Дело здесь не просто в личных симпатиях к этой на редкость интересной, притягательной, хотя и весьма противоречивой стране. Изучение истории Франции, как метко заметил еще М.Е. Салтыков-Щедрин, не отдаляет, а приближает к проблемам собственного Отечества. Поэтому понять и оценить по достоинству внушительное наследие А.З. Манфреда, посвященное, прежде всего, истории Франции – Французской революции XVIII в., наполеоновской империи, франко-русским союзам, можно только в прямой связи с историей России.

А.З. Манфред всегда считал себя учеником академика Евгения Викторовича Тарле – одного из виднейших представителей российской школы историков второй половины XIX – начала XX вв., у истоков которой стоял родоначальник западнического течения русской исторической и общественно-политической мысли Т.Н. Грановский. В числе его последователей были такие известные ученые и политики, как старшие коллеги Тарле по Московскому университету – П.Н. Милюков или Н.И. Кареев. Для них величие России могло быть обеспечено только на путях активной внешней политики, открытия внешнему миру и либеральной модернизации на основе опыта Европы, в том числе, естественно, Франции. В свою очередь судьбы российского либерализма в их глазах напрямую зависели от его способности принять

Рубинский Юрий Ильич, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН.

национально-патриотические ценности, которые пытались монополизировать антизападные реакционеры-почвенники. Естественными же союзниками в утверждении как свободы, так и геополитических интересов России представлялись историкам-кадетам европейские демократии – Франция и Англия.

Именно эта своеобразная разновидность российского либерально-патриотического западничества определила деятельность П.Н. Милюкова после первой русской революции 1905 г. во главе Конституционно-демократической партии (кадетов), а после второй, Февральской 1917 года – на посту министра иностранных дел Временного правительства.

Е.В. Тарле, который был одним из соратников П.Н. Милюкова как профессора-историка в Московском университете, а отчасти и как политика в кадетской партии, во многом разделял его взгляды. Будучи моим первым научным руководителем в аспирантуре МГИМО в середине 50-х годов прошлого столетия, Евгений Викторович давал мне понять, что главной целью его работ, посвященных истории Французской революции XVIII в., Наполеону, Талейрану, Континентальной блокаде, нашествию Наполеона на Россию, наконец, Крымской войне никоим образом не являлось простое описание исторических событий, связанных с Францией и ее отношениями с Россией.

Свою сверхзадачу он видел в том, чтобы показать внутренние закономерности, которые вели к перерождению демократической революции через царство террора в деспотизм неограниченной личной власти, мегаломания которой, несмотря на гениальность ее носителя, вела Францию к национальной катастрофе. Вместе с тем для России, по убеждению Тарле, даже столкновения с Францией на полях сражений, победоносные или неудачные, постепенно готовили почву для ее европеизации – от декабристов до реформ Александра II.

В этом плане А.З. Манфред является верным последователем, достойным преемником и прямым продолжателем Тарле. Это подтверждает не только круг его научных интересов, во многом совпадающий с интересами Тарле, но и качества научных трудов обоих – сочетание феноменальной эрудиции, использования огромного фактического материала, нередко впервые извлеченного из архивов, с глубиной анализа и блестящей литературной формой.

Вместе с тем Манфред отнюдь не повторял Тарле – он во многом шел дальше его, а нередко не боялся и заочно спорить с ним. Иначе быть не может – в противном случае ученик оказывается просто эпигоном учителя. Альберт Захарович по самому складу своего ума – острого, полемичного, готового идти против течения, бросая вызов устоявшимся мнениям и авторитетам, никак не мог укладываться в

рамки серого, унылого конформизма, которым грешили многие его коллеги. Такие свойства характера никак не способствовали успешной академической карьере в советские времена, когда казенные штампы были необходимым атрибутом любой деятельности в сфере общественных наук, особенно истории.

Жертвой идеологической «охоты на ведьм» не раз бывал Е.В. Тарле, подвергшийся репрессиям в начале 30-х годов и спасенный от худшего только личным вмешательством Сталина, взявшего тогда курс на реабилитацию определенных аспектов великодержавного прошлого Российской империи. Однако это не избавило академика 15 лет спустя от злобной травли в период «борьбы с космополитизмом», когда Тарле обвинили в антипатриотической интерпретации Отечественной войны 1812 года.

А.З. Манфреду в этом отношении было еще труднее. В годы его студенческой молодости история, несмотря на официальное осуждение «школы М.Н. Покровского», все еще оставалась, прежде всего, «политикой, опрокинутой в прошлое». Ее исследователю необходимо было, наряду с безусловно обязательными марксистско-ленинской фразеологией, осуждением «буржуазных фальсификаторов» и цитатничеством из «классиков», постоянно учитывать колебания внешней политики советского руководства. Он должен был тщательно избегать малейшего зазора между своими научными выводами и оценками идеологов коммунистической партии – не только в нашей стране, но и в тех, которым были посвящены его исследования. Наконец, ему необходимо было соблюдать тонкий баланс между ритуальными обличениями царского режима с его империалистической политикой западных держав, и патриотической риторикой позднего сталинизма.

Создать в таких условиях объективные научные труды, не утратившие своей ценности до наших дней, было поистине героической задачей, с которой А.З. Манфред справился блестяще. На руку ему сыграл тот факт, что во время и в первые годы после Великой Отечественной войны в советской историографии резко усилился антигерманский крен. На этом фоне тема его первого капитального исследования об истории русско-французского союза 1891 года смотрелась выигрышно. Впрочем, и следующая монография, посвященная проблематике франко-русских союзов в более широкой исторической перспективе, также вышла в свет в благоприятной общественной атмосфере благодаря политике вернувшегося к власти в 1958 г. генерала де Голля в пользу «разрядки, согласия и сотрудничества» в Европе «от Атлантики до Урала».

Если труды Е.В. Тарле о российско-французских отношениях в XIX в. были посвящены главным образом теневым страницам –

наполеоновским и Крымской войнах, то его ученика – напротив, более поздним и самым светлым, образуя в сочетании цельную, сбалансированную картину, отвечающую исторической правде.

Разумеется, упрекать А.З. Манфреда в безоговорочном франкофильстве, как это делали многие его пристрастные оппоненты, было бы явной несправедливостью. В своем глубоком, тщательном анализе дипломатической подготовки, а затем претворения в жизнь союзных договоров России и Франции он никогда не обходил острых углов, не затушевывал конфликты между интересами сторон, без которых не обходится ни одна коалиция. Недаром главнокомандующий войсками союзников на Западном фронте в заключительный период Первой мировой войны, французский маршал Фош заметил как-то: «Я меньше восхищаюсь Наполеоном – победителем коалиций с тех пор, как сам возглавил ее».

Гораздо труднее ответить сейчас на принципиальный вопрос о том, был ли вообще франко-российский союз 1891 года оптимальным вариантом для России или же у него имелись стратегические альтернативы, которые позволили бы избежать втягивания страны в фатальную для ее судеб Первую мировую войну, породившую две революции и 73 года тоталитаризма. Однозначного ответа на него нет до сих пор, что толкает историков на использование недопустимого в науке сослагательного наклонения. Можно лишь предположить, что весьма вероятное без союза с Россией поражение Франции и победа Германии скорее всего обрекли бы Россию на превращение в сателлита Германии, а в конечном счете на все равно неизбежную войну с господствующими на континенте Центральными державами, в еще худших условиях с не менее катастрофически исходом. Трагедия начального периода Второй мировой войны как для Франции, так и для СССР показала, что подобный ход событий был отнюдь не исключен. Подумать вместе, а может быть и поспорить об этом с А.З. Манфредом нам уже, к сожалению, не дано…

Столь же важен и другой деликатный вопрос: не были ли тесные франко-российские связи фактором, консервировавшим негативные политические тенденции в обеих странах – самодержавие, а затем тоталитаризм в России, реакционно-милитаристские силы, затем сталинистскую компартию во Франции? Именно так считали, например, Максим Горький в период русской революции 1905 года (памфлет «Прекрасная Франция»), а полувеком спустя многие представители французской интеллектуальной элиты – от Андре Жида до Андре Глюксмана.

Здесь для А.З. Манфреда сомнений быть не могло. Решительно отвергая такую версию, он твердо верил в то, что российско-

французское сближение на всех уровнях – государственном, общественном или духовном – всегда приносило пользу обеим сторонам, способствуя тем самым прогрессу обеих. Окончательного ответа на этот вопрос, как и на предыдущий, у нас тоже нет. Однако мне позиция Манфреда представляется более убедительной, нежели точка зрения тех, кто с российской стороны видел во Франции до октября 1917 г. очаг безбожной революционной заразы, враждебной устоям самодержавно-православной империи, а при советской власти – источник не менее опасных для нее идей «буржуазной демократии» и прав человека.

Если же оценивать французскую сторону дела, то я склонен если не извинить, то скорее понять наивность левых интеллектуалов, видевших в СССР землю обетованную и закрывавших глаза на мрачные тени ГУЛАГа во имя борьбы против фашизма и войны, чем слепоту правых, готовых жертвовать интересами и даже независимостью своей страны перед лицом «красной опасности», исходившей из Москвы. Речь идет не о выборе «наименьшего зла» между разными видами тоталитаризма, а о поведении в конкретных исторических ситуациях. В этой проблеме – не только политической, но и моральной – А.З. Манфред был, как мне кажется, близок к реализму генерала де Голля, для которого идеологии и режимы преходящи, а государства с их национальными интересами, определяемыми объективными реалиями истории и географии, вечны: «Для Франции и России быть вместе означает безопасность, тогда как оказаться разобщенными – подвергнуться опасности», – подчеркивал он при подписании договора о союзе и взаимопомощи в декабре 1944 г. в Москве.

Среди проблем, которым А.З. Манфред посвятил значительную часть своей научной деятельности и оставил нам в наследство, важное место занимает проблематика Французской революции XVIII в. и наполеоновской империи. В ней еще рельефнее, чем в вопросах российско-французских отношений, выступает диалектика преемственности и различий подходов двух поколений наших историков, олицетворяемых учителем и самым талантливым его учеником.

Е.В. Тарле, оставшемуся неисправимым либералом, несмотря на все его попытки мимикрии под марксистскую методологию – пристальное внимание к экономическим факторам, широкое использование категорий классовой борьбы (введенных, кстати, задолго до Маркса великим французскими историками первой половины XIX в.) – якобинская диктатура 1793-1794 гг. всегда была не только чуждой, но и неприемлемой по существу. Используя известные формулировки Маркса, рассматривавшего крайности террора как «реакцию страха» мелкобуржуазных революционеров, чья массовая база сузилась в конце

концов до лезвия ножа гильотины, Тарле стремился подвести читателя к мысли о том, что именно терроризм якобинцев проложил дорогу сначала Термидору, а затем и бонапартистскому перевороту.

Очевидно, что эта логика шла вразрез с позицией В.И. Ленина, для которого диктатура и террор якобинцев являлись апогеем Французской революции и примером для Российской. Недаром в поисках образца для главы ВЧК он обращался к самым зловещим фигурам из окружения Робеспьера.

По той же самой причине Е.В. Тарле было присуще двойственное, по существу безусловно отрицательное, отношение к Наполеону. Признавая его гениальную одаренность как полководца и государственного деятеля, Тарле сурово клеймил его глубокий эгоизм, безграничное честолюбие и властолюбие, абсолютную аморальность при выборе способов достижения целей, жестокость и равнодушие к судьбам миллионов людей, приносимых в жертву имперской мании величия, которая привела, в конце концов, Францию к национальной катастрофе.

А.З. Манфред заметно отличался в подходе к тем же самым проблемам от своего предшественника и учителя. Для него апологетическая трактовка якобинской диктатуры школой Альбера Матьеза была гораздо ближе, чем резкая критика ее классиками французского либерализма – Гизо, Тьером, Токвилем или Тэном. Причину этого, как мне кажется, следует искать отнюдь не в конформистском равнении на ленинские формулировки официальной советской историографии.

Лично мне кажется, что А.З. Манфред, человек едкого, иронического, критического ума, насмешливый и язвительный скептик-вольтерьянец по натуре (что никак не умножало число его друзей в научном сообществе), в глубине души сохранял до конца жизни романтический радикализм своей молодости. Хотя его поколение успело пережить все трагедии сталинизма, немало умных, интеллигентных, глубоко порядочных людей его круга искренне считало их все же не органическим пороком системы, сколько изменой ее идеалам. Не случайно первые попытки переосмыслить историю России в XX в. после XX съезда КПСС начинались не с атаки на идейный фундамент режима, а с апелляции к Ленину против Сталина.

Точно также для Манфреда, судя по всему, образ беспощадного, но «неподкупного» Робеспьера был чем-то ближе, хотя и трагичнее, нежели фигура смелого, яркого, но глубоко коррумпированного и потому зачастую беспринципного Дантона. Характерно, что противоборство именно этих двух самых сильных вождей Клуба якобинцев стало в последние десятилетия излюбленной темой множества французских исследований, романов, пьес, кинофильмов (например, нашумевшей

грандиозной постановки исторической драмы «Робеспьер и Дантон» Роббера Оссейна в парижском Дворце конгрессов). Причем симпатии большинства зрителей оказались, безусловно, на стороне Дантона. Недаром памятник ему высится в самом центре Латинского квартала Парижа, тогда как скромный бюст Робеспьера можно найти только у дома, где он родился, в провинциальном Аррасе.

Столь же заметны нюансы в трактовке Тарле и Манфредом фигуры Наполеона. Весьма характерно, что у одного биография озаглавлена просто «Наполеон», а у другого – «Наполеон Бонапарт». В этом есть тонкий, но важный нюанс, очевидный для любого француза: недаром в Париже, где добрая четверть улиц и площадей носят имена наполеоновских сражений и маршалов, есть улица Бонапарта, ведущая от Сены к Люксембургскому саду, но ни одной улицы Наполеона. Нет ее и в провинции – за исключением разве что его родного города Аяччо на Корсике.

Если Манфред решился обратиться вновь к неисчерпаемой наполеоновской теме после исключительного для Советского Союза успеха книги Тарле, которой буквально зачитывались целых два поколения, на это имелись, очевидно, веские основания. Ими наверняка не было появление сенсационных архивных материалов, проливающих иной свет на человека, жизнеописания которого могли бы составить целую библиотеку – никаких принципиально новых источников в период между выходом в свет трудов Тарле и Манфреда не отмечалось. Речь, стало быть, идет лишь об иной интерпретации сюжета, причем достаточно оригинальной, отличной от ставшей классической (не только по содержанию, но по литературным достоинствам) книги Тарле.

Коль скоро сам Альберт Захарович по понятийным причинам избегал прямой полемики со своим учителем, которого высоко уважал и ценил, позволю себе предложить версию, которая сложилась у меня при сравнении обеих биографий. Дело не просто в пропорциях белой и черной красок в палитрах авторов, а в различном восприятии ими исторической роли великого корсиканца.

Мне представляется, что для либерала Тарле Наполеон был, разумеется, сыном великой демократической революции, но, прежде всего, ее душителем, беспощадным деспотом, мания величия которого обескровила Францию и обрекла ее на десятилетия национального унижения. Именно так воспринимал Наполеона Жорж Клемансо, сказавший в бытность главой правительства в конце Первой мировой войны своему адъютанту генералу Мордаку: «Никогда не упоминайте при мне об этом человеке – он погубил два миллиона французов и возвратил Францию меньшей, чем получил ее».

В то же время Манфред, поддаваясь гипнозу наполеоновской легенды, которая вдохновляла европейский романтизм от Стендаля до Лермонтова, все же не был ей совершенно чужд. Для Альберта Захаровича фантастическая судьба бедного артиллерийского лейтенанта, ставшего повелителем Европы и полумира, была прежде всего результатом великой революции, а он сам – не ее предателем и палачом (к 18 брюмера республика уже давно агонизировала в гнилом болоте Директории), а, прежде всего, полномочным душеприказчиком.

Какими бы злодеяниями ни был отмечен путь Наполеона – императора французов, как бы страстно он сам ни мечтал превратиться в наследственного легитимного монарха, десятки которых пресмыкались перед его троном, он всегда оставался в глазах других Бонапартом – членом Якобинского клуба, без чего его неизбежно ждала бы безвестная кончина где-нибудь в заштатном гарнизоне или на очередной династической разборке. Главное же для Манфреда было в том, что после Бонапарта ничто в Европе и в мире не могло остаться таким же, как до него.

Обе эти интерпретации и Тарле, и Манфреда по-своему справедливы: они, на мой взгляд, не столько противоречат, сколько взаимно дополняют друг друга, имея равное право на существование. Смею предположить, что так будет всегда с попытками историков, даже самых талантливых, объяснить роль людей, выпадающих из общей системы человеческих координат. Добавлю лишь, что манфредовская версия двуединого феномена Наполеона Бонапарта вполне соответствует моей интерпретации его отношения к вождям якобинцев, где элемент революционного романтизма превалирует над либеральным реализмом Тарле.

В заключение хотелось бы кратко поделиться личными впечатлениями о Манфреде как о человеке, посвятившем всю жизнь изучению истории Франции с тайным (а нередко и явным) намерением лучше понять и объяснить историю России.

Для меня главной чертой его характера был не талант выдающегося исследователя, отточенное перо литератора, дар блестящего оратора «высокого стиля», которому не мешало, а порой помогало грассирование, понятное и даже естественное для франковеда.

Вступив на поле исторической науки, усеянное смертельно опасными идеологическими минами эпохи позднего сталинизма, он, вполне естественно, старался обходить их. Терновый венец диссидента его не прельщал. Однако ему всегда претило ползание «по-пластунски», не поднимая головы, чтобы не попасть под перекрестный огонь противника. Поскольку же в противниках, завистниках, недоброжелателях

недостатка у него не было никогда, он находил в себе мужество открыто противостоять им, не бояться конфронтации, а порой даже провоцировал ее сам. Было в нем что-то не только от язвительного Вольтера, но и от задорного, непочтительного к авторитетам галльского петуха – Шантеклера. Недаром Манфред так и не стал даже членом-корреспондентом Академии наук СССР, где заседало немало его бездарных, но оттого еще более опасных врагов. Между тем это чувствительно задевало самолюбие ученого, по достоинству оцененного далеко за пределами нашей страны. Например, один из крупнейших французских историков и социологов XX века Фернан Бродель считал Манфреда не просто коллегой, а равным по научному формату личным другом, отказываясь называть его иначе, чем по имени – «Альбер».

Сейчас, когда научная общественность отдает должное светлой памяти Альберта Захаровича Манфреда, мы можем с уверенностью назвать его достойным продолжателем лучших традиций российской исторической науки, одной из которых всегда было глубокое изучение истории Франции, способствующее укреплению взаимопонимания и дружбы между двумя нашими странами и народами.